

**МАША
ТРАУБ**

Читайте книги Маши Трауб:

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
НЕ МАМКАЙ!
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ
ВСЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОТЕЛЕ

МАША
ТРАУБ

Пополам

Москва
2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Оформление серии и переплета
Александра Кудрявцева,
студия графического дизайна «*FOLD & SPINE*»

Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.
Т65 Пополам / Маша Трауб. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190137-0

Развод — трагедия, особенно если в семье есть дети. Как объяснить им, почему папа и мама больше не хотят жить вместе? А если в семье двое детей, мальчик и девочка, и родители решили их «поделить»? Сын остался жить с отцом, а дочь — с матерью. Не так уж редко такое случается. Как рассказать детям правду о том, что привело к разводу, какие причины для расставания были у взрослых? Почему они не смогли договориться, уступив собственным эмоциям и обидам? И почему родители не понимают, что за ошибки взрослых всегда расплачиваются дети?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190137-0

© Трауб М., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

АНТОН

— Здравствуйте, дядь Коля, можно мне пройти? Я к Юльке. Пожалуйста! — Антон стоял перед охранником. Он учился уже в старшей школе, седьмой класс, и в младшую школу им заходить было нельзя. Младшая сестра Юлька училась в третьем, и он обещал, что зайдет ее проведать.

— Тебя дядя Коля не пустит, — сказала Юлька, когда они договаривались встретиться.

— Пустит, — заверил сестру Антон.

— Я буду тебя ждать, — сказала Юлька, и Антон не мог не сдержать обещание.

Охранник младшей школы, которого все звали дядя Коля, а он знал, кажется, всех детей, мам и бабушек по именам и в лицо, тяжело вздохнул и поднялся из-за своей тумбы. Мальчишка, на вид второклассник, собирался пролезть под турникетом, но зацепился рюкзаком и дергался, пытаясь вырваться. Лямки рюкзака трещали по швам.

— Максим, третий разорванный рюкзак за неделю твоя бабушка не переживет. Ну, забыл ты проходилку, скажи мне, я кнопку нажму. Пройдешь как

Маша Трауб

человек. Да стой ты! Вон уже одну лямку почти отодрал. Опять расхристанный. И где твоя сменка? — Дядя Коля заботливо пытался вызволить мальчонку из капкана турникета. Оказавшись на свободе, Максим понесся к дверям.

— Сменка! — крикнул вдогонку дядя Коля. — Бабушка опять придет искать. Пожалей ее!

Максим остановился и кинулся обратно. Естественно, опять поднырнув под турникет. И, естественно, опять неудачно. Зацепился, но уже с другой стороны.

— И так каждый день, — тяжело вздохнул дядя Коля, высвобождая многострадальный рюкзак мальчика. — Ну ничему тебя опыт не учит, сын ошибок трудных. Ты хоть сверху попробуй в следующий раз перепрыгнуть. Или вон через заграждение пролезь. Столько вариантов. А ты все по одному сценарию. Вот я и не пойму, упрямый ты или дурной?

Дядя Коля говорил ласково, даже нежно.

— Дядь Коля, так мне можно пройти? — уточнил вежливо Антон. Он знал, что охранник только с виду такой суровый. По школе ходили слухи, что он то ли бывший десантник, то ли эмчезовец, то ли спецназовец, то ли сразу все вместе. Но Антон чувствовал, что охранник не злой, а очень добрый. Мог пропустить вопреки правилам.

— Тоха, ты еще здесь? Ну что ты как неродной? — удивился дядя Коля. — Только посмотри на этого обормота: вижу цель, не вижу препятствия. Да пока

Пополам

я с ним возился, ты сто раз мог пройти. Я бы не заметил. Да я и не заметил! И Максим не заметил, да?

Мальчонка с готовностью кивнул и бросился в раздевалку за сменкой.

— Ну, не знаю, что с ним делать. Как объяснить пацану, что схватка с турникетом неравная? — рассмеялся дядя Коля.

— Спасибо, дядя Коля, — поблагодарил охранника Антон.

— Ты это, заходи хоть на перемене. Поговори с Юлькой. Совсем девка с катушек слетела. Вот упрямая, — заметил дядя Коля.

— Ее обидели? Кто-то ударил? Обзывали? — Антон застыл на месте. Он сам страдал в младшей школе и от одноклассников, и от старших. Ничего, кроме липкого страха, о том времени не помнил. Класс их считался слабым, сложным по поведению и проблемным, по оценке школьного психолога Полины Игоревны, к которой регулярно ходили все ученики, кроме тех, кому действительно требовался психолог.

Чаще всех в классе у психологини оказывался Антон. Полина Игоревна, с точки зрения мальчика, сама остро нуждалась в психологической помощи. Она никогда не улыбалась. Ее лицо все стремилось вниз — уголки губ, уголки глаз. Но она не казалась грустной, ее не хотелось рассмешить. Вроде бы ласково обращалась к детям: «зайка», «котенок», «малыш», но это было лишь потому, что она не могла

Маша Трауб

или не хотела запомнить имя ребенка. Даже имени Антона, с которым вела беседы чуть ли не через день. Может, такая особенность памяти — он не знал. Однако в этих котятках и зайках не было ни грама эмпатии или хотя бы показной нежности. Полина Игоревна детей, как, впрочем, и людей в целом, не понимала, не чувствовала и не стремилась к этому. Для нее дети были теми же неприятными и даже отвратительными взрослыми, только в силу профессии она вынуждена была с ними общаться, чего ей вовсе не хотелось.

Антон, чтобы найти какое-то оправдание психологине, думал, что у нее нет собственных детей, а вот когда появятся, она подберет, начнет хоть чуть-чуть понимать школьников, с которыми работает. Но оказалось, что Полина Игоревна давно познала радость материнства — ее сын Валера учился в четвертом классе и не был отчислен из школы лишь потому, что его мама работала в школе психологом. Валера был неуправляем, гиперактивен и считал, что ему все дозволено, чем и пользовался: обижал младших, хамил учителям, был жестоким — мог ударить, ошпарить горячим чаем, вылить тарелку с супом на голову тому, кто слабее. Ему нравилось издеваться. С ним даже старшие хулиганы старались не связываться. Его считали вроде как дурачком, но не безобидным, а злым. Старшие говорили, что он полный придурок, больной на всю голову. Младшие не понимали, что происходит, просто терпели. Зна-

Пополам

ли, что Валере все равно ничего за его проступки не будет. Он мог вдруг заплакать, изобразить приступ аппендицита. Однажды специально поранил себя ножницами — пришлось вызывать скорую помощь. Все в школе знали, что Валера ведет себя неадекватно, но ничего не предпринимали. Почему? Антон не понимал. Да, мама — психолог, классный руководитель первого «Д», ну и что? Первоклашкам можно только посочувствовать, если у них такая классная. И тогда почему его, Антона, сестра считается ненормальной, агрессивной, если просто дает отпор, дерется, защищаясь от нападков и оскорблений? Почему он сам считался странным, если отвечал словом? Или вовсе не отвечал, надеясь избежать открытого конфликта?

Антон прекрасно помнил, как его опять вызвали на беседу с Полиной Игоревной — та занимала кабинет на третьем этаже. Он сидел и ждал, когда придет психологиня.

— Мам, мааам! — В кабинет залетел Валера и, заметив Антона, удивился: — Ты чё тут? А где мама?

— Какая мама? — не понял Антон.

— Валера? Ты почему здесь? — В кабинет вошла Полина Игоревна.

— Здравствуйте, Полина Игоревна, — поздоровался Валера, но не таким тоном, каким дети приветствуют учителя.

— Все в порядке? — уточнила психологиня.

— Да, я потом. — Мальчик вылетел из класса.

Маша Трауб

И только тогда до Антона дошло, что Валера — сын психологини. Ходили слухи, что он чей-то сын — то ли директора, то ли завуча, но чтобы психологини...

Антон думал, каково это — называть свою маму по имени-отчеству, хранить в тайне родство, никому не признаться, что мама — Полина Игоревна. Но это ладно. Почему он называл маму не мамой? Зачем? Ну, говорил бы правду. Антон тогда был ошарашен — как можно прилюдно считать маму чужой женщиной, учительницей, обращаться к ней официально?

Они столкнулись в раздевалке.

— Не говори никому, ладно? — вдруг попросил Валера Антона.

Тот кивнул.

— Мама запретила, говорит, надо соблюдать дистанцию. Не понимаю зачем. Можно подумать, никто не знает. — Валере, кажется, захотелось выговориться. — Это она заставила меня называть ее только по имени-отчеству.

— Да всем наплевать, — ответил Антон, — моя одноклассница называет бабушку Надей, по имени, тоже все возмущаются, а она так привыкла. Кому какое дело? Ну называй как просит, ты же знаешь, что она твоя мама.

— Чё, правда? Бабушку по имени? — удивился Валера.

Пополам

— Иногда мам называют по имени — Галя или Настя. Сто раз слышал. И отчимов тоже. Не папой или дядей Геной, а просто Геной или Женей, — ответил Антон. — Какая разница, кто как кого называет. Наплевать.

— Ее никто не любит и меня тоже, из-за нее. Если мать — психолог, то я вроде как тоже должен быть психическим. Вот я и соответствую, — хмыкнул Валера.

— А меня к твоей маме вызывают, — признался Антон. — За то, что не даю отпор и не дразнюсь. Так что мы с тобой одинаковые.

После того разговора — и это Антон смог понять позже, сопоставив факты, — его перестали вызывать на беседы к Полине Игоревне. Он вдруг стал совершенно нормальным мальчиком, хотя до этого считался сложным, непредсказуемым, нестабильным. Антон догадался, что за него попросил Валера. Когда в столовой у сына психологини старшие забрали тарелку с кашей и посоветовали «проработать травму с мамочкой», Антон заступился — отдал свою тарелку Валере, а старшим сказал, что он уже все проработал и сейчас кому-нибудь воткнет в руку вилку. Старшие кивнули и отступили — все знали, что от психологини чего угодно можно ожидать, чудная дамочка. Фиг знает, что посоветует сделать. С тех пор и Антон, и Валера стали жить спокойно. Антона перестали задирать и унижать, а Валера больше не доставлял проблем. В пятом классе он

Маша Трауб

исчез — говорили, перешел в другую школу. Полина Игоревна тоже уволилась. Пошла преподавать в школу сына, чтобы тот был под приглядом. Антону было жаль терять пусть не друга, но все же приятеля. Человека, который был чем-то на него похож — считался странным.

В старшей школе стало полегче — учеников распределили по направлениям, и отличник Антон попал в класс, считавшийся лучшим. Один из тридцати бывших однокашников. Это было настоящим счастьем. Его больше не дразнили, не срывали очки и не заставляли бегать по классу, чтобы их вернуть. Не вытаскивали его тетради из рюкзака, чтобы списать домашку. Не рвали контурные карты, которые Антон рисовал как настоящие, удивительным образом передавая рельеф местности. Класной руководительницей стала строгая математичка Вера Ивановна, которая категорически не поддерживала идею, согласно которой дети послабее, обучающиеся с сильными, тоже начинают учиться лучше. Вера Ивановна была заслуженным учителем и с ее мнением считались — в класс она взяла только сильных, мотивированных учеников. Антон наконец мог делать то, что всегда хотел, — учиться, не отвлекаясь на одноклассников, не умирая от скуки на уроках. Почувствовав, что его ценят и уважают за знания, стал увереннее в себе.

Но посещение младшей школы для него до сих пор оставалось испытанием, которое надо было преодолеть. Ради Юльки, ради Юльки...

Пополам

— Юльку? Ударили? Ха! — Дядя Коля не просто рассмеялся, а начал хохотать. — Да она так отметелила сегодня Глеба, что на него было жалко смотреть. Представляешь? Юлька на две головы ниже его. Он же здоровенный, как кабан, а она тощая, но верткая, зараза. Кулак да, разбила. О его глаз! Фингал залепила зачетный. Глеб даже не понял, как получил. Слушай, ей бы в секцию, скажи родителям. Талант у девки пропадает. Да и всем на пользу. Пусть дерется на тренировках, пар выпускает. Она боец и ничего ведь не боится! — Дядя Коля говорил с восхищением, за что Антон был ему благодарен.

— Маму опять в школу вызовут? — спросил Антон, зная, что для нее это станет ударом. Из-за Юльки маму часто вызывали к завучу младшей школы, но после вызовов ей становилось плохо — чуть ли не в обморок по дороге падала. И тошнило до рвоты. От волнения. Антон очень жалел маму и понимал ее как никто. У него точно так же кружилась голова и подступала тошнота, когда он волновался. Перед контрольными, школьными мероприятиями. Для одних — пустяк, для других — паническая атака. Но у детей не могло быть панических атак, так что это считалось обычным волнением, с которым требовалось справляться самостоятельно. Мама же отговаривалась упавшим давлением или приступом мигрени. Хотя это был просто страх, банальный, пожирающий изнутри. Мама, как и Антон, не переносила, когда на нее кричали или в чем-то обвиняли, пусть

Маша Трауб

даже не повышая голос. Тем более в том, в чем не считала себя виноватой. Отец повышал голос на маму, та плакала и молчала. Папа считал, что она плохо воспитывает детей и вообще все делает плохо.

Когда у Антона начала идти носом кровь на каждом уроке физкультуры, это тоже считалось «нормальным». У всех так. Засунь в нос вату и жди, когда пройдет. Кого-то забирали родители, но его — нет, никогда. Только поэтому его сажали на лавочку. Учитель физры Андрей Саныч и школьная медсестра знали, что Антона никто не заберет. Мальчик умолял их не звонить родителям — отец на работе, его нельзя отвлекать, а мама начнет переживать, и ей станет плохо. Антон так упрасивал, что и физрук, и медсестра махнули рукой. Андрей Саныч даже зауважал — молодец парень, о матери беспокоится, сидит терпит. Другой бы уже давно домой свинтил, тем более предлог уважительный. Медсестра переживала — они обязаны ставить родителей в известность. А если вдруг что? С кого будут спрашивать? С нее? Она разговаривала с классным руководителем, с завучем, но те сказали, что Антон — мальчик сложный, если что-то решил, так и будет. Спорить бесполезно.

Антон, сидя на гимнастической лавочке с воткнутыми в нос ватными тампонами, разбирал шахматные задачи. Он увлекся шахматами, прилично играл и побеждал на окружных турнирах, за что физрук ставил ему пятерки. Фотографию Антона Андрей Саныч повесил в коридоре перед входом в спорт-

Пополам

зал среди других призеров турниров — по волейболу, баскетболу, футболу. Антон очень гордился этой фотографией. Хотел показать ее отцу, но так и не решился. Да и представить, что отец появится в школе, не мог, как ни пытался. Даже в самых смелых фантазиях. Впрочем, Антону было очень приятно и лестно, что его хвалит Андрей Саныч и всем ученикам напоминает, что побеждать можно мозгами, ставя в пример Антона. Андрей Саныч, надо признать, искренне восхищался своим учеником.

— Ну как ты это делаешь? — Он завороженно смотрел на шахматную доску, по которой Антон двигал фигуры, играя сам с собой.

— Хотите научу? — предложил Антон.

Спустя два «урока» стало понятно, что физрук — не по части шахмат. Но он не обиделся, а еще больше восхитился, разрешая Антону не бегать кроссы, не подтягиваться, а решать шахматные задачи.

Антон, видя отношение Андрея Саныча, не понимал, почему отец не одобряет его увлечения. Да, не запрещал, но не приветствовал.

— Пап, может, в шашки сыграем? — предложил как-то Антон. Он научил играть в шашки физрука и тому понравилось. Даже на переменах ловил Антона, чтобы сыграть партию. Когда Антон поддавался, давая физруку возможность выиграть, тот был счастлив.

— Не могу, давай в другой раз, — неизменно отвечал отец. Антон знал, что он точно умеет играть